

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.1>.

EDN: MRIVMA

*К.Ф. ЗАВЕРШИНСКИЙ*¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

ТРАДИЦИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭЛИТ: ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ¹

Аннотация. Рассматривается специфика и роль традицирования как амбивалентного процесса нарративного упорядочивания коллективных представлений во времени и его роль в политическом позиционировании современных политических элит. Цифровизация политических коммуникаций умножает вариативность «представлений о времени» и требует новых способов тематизации конфликта традиционного/новационного в политико-культурной динамике современных элит. Политические элиты в различных национальных сообществах руководствуются вариативными критериями «повторяемости» и «преемственности», связанными с восприятием темпов политических изменений и ожиданиями «настоящего» и «будущего». В связи с чем особую значимость приобретает исследование взаимосвязи «темпоральных режимов» политической памяти и процессов традицирования, амбивалентного поиска и обеспечения режима политической преемственности при бинарном кодировании политических коммуникаций как «консервативных/прогрессивных». Временные режимы политических коммуникаций возникают на основе

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>

тенденций к гомогенизации темпоральных представлений в сообществах, создавая более стабильные условия для устойчивого сочетания представлений о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Традиционирование играет важную роль в институционализации и поддержании образцов политической солидарности, выступая важным культурным ресурсом темпорального структурирования политической сферы и противостояния политической инверсии и произвольности в активности элит. Процессы, происходящие в национальной памяти современных сообществ под воздействием кризиса темпорального режима «нового времени», артикулируемого современными неолиберальными элитами, существенно повышают риски политической асинхронизации. В результате политические элиты и иные политические акторы все чаще утрачивают способность к эффективному контролю над процессом традиционирования, подменяя его радикальной консервативной традиционализацией или ультрапрогрессизмом. Используя теоретические и практические экспликации современной культурсоциологии и антропологии политики как методологическую основу, автор предлагает новые теоретические подходы к изучению роли темпоральных измерений в исследовании специфики воспроизводства политических традиций и позиционирования современных элит в условиях неолиберальных стратегий цифровизации.

Ключевые слова: темпоральные измерения, темпоральные режимы, политическая память, цифровизация, политическое позиционирование, политические элиты, политические традиции, традиционализация, традиционирование, темпоральный кризис

Для цитирования: Завершинский К.Ф. Традиционирование в политическом позиционировании современных элит: темпоральные измерения // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 1. С. 7–39. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.1>. EDN: MRIVMA

Введение

Актуальность обращения к исследованию процесса социального конструирования политических традиций и нарративов «традиционного» в практике политического позиционирования современных элит обусловлена ростом конфликтной дифференциации и поляризации национальных и внешнеполитических пространств в реалиях динамики современных политических коммуникаций. Исследователи все

чаще фиксируют нарастание кризиса современных политико-административных элит, проявляющегося в их неспособности обеспечить устойчивый социетальный порядок [3] и растущей деинституционализации принятия и реализации властных решений [17]. На наш взгляд, подобные явления обусловлены не только процессами авторитарной консолидации или деструктивной активностью «невидимых элит», на чем часто акцентируют внимание элитологи, но и структурным кризисом «темпорального порядка» коллективных представлений. Рост вариативности представлений о прошлом, чувство «непредсказуемости настоящего» и «неопределенности будущего» интенсифицируют в элитном сегменте социумов процессы артикуляции и культивирования ими нарративов «традиционных» ценностей. Традиционализация все чаще используется элитами как способ стабилизации политического порядка и фактора мобилизации политических акторов в реалиях умножения рисков принятия политических решений.

Актуализация нарративов «традиционного» в значительной мере обусловлено тем, что представления о преемственности с прошлым интенсивно фрагментируются и разрушаются потоком умножающихся «различий» в условиях радикальной мобильности цифровизации политических коммуникаций. «Прошлое» утрачивает ретроспективную последовательность и определенность, что деформирует процесс коммуникативного понимания и социальной преемственности. Вместо конструктивного «диалога с прошлым» в коллективных представлениях, его символического пролонгирования в настоящее и будущее часто происходит «цифровой арест и захват» прошлого, ведущий к утрате естественной для человеческих сообществ «ностальгии по ушедшему» и поколенческой преемственности [32].

Социологическая литература позитивистского плана по политико-культурной динамике элит часто оставляет за скобками вопрос о том, как работает социальная память в обеспечении преемственности и разрывов в эволюции и инволюции политических элит, редуцируя эту проблематику к технологиям политики памяти, трактуемой чаще всего как историческая политика по «проработке прошлого». «Множественность временных потоков» актуализирует проблему критериев различения прошлого и настоящего, проработку моделей их синхро-

низации [18]. Темпоральная динамика современных политических коммуникаций, которая умножает вариативность «временных потоков» («гетерогенность» социального времени), связанную с активностью множества политических акторов, требует новые способы тематизации политико-культурной динамики элит. Политические элиты в различных национальных сообществах руководствуются вариативными критериями преимущества, связанными с восприятием темпов политических изменений и ожиданиями «настоящего» и «будущего».

Интенсификация санкционных и прокси-войн, пропагандистского потенциала цифровых коммуникаций привносят дополнительную проблемность в прогнозирование политическими элитами и экспертными сообществами действий по достижению устойчивого политического порядка и успешного позиционирования во внешнеполитическом пространстве. Это стимулирует элиты на риторические артикуляции в публичном пространстве амбивалентных дискурсов: «политико-культурных констант» (политических традиций и обычаев) и «новаций», апелляцию к консервативным или прогрессивным ценностям при легитимации политических решений и мобилизации активности граждан. Цифровая революция интенсифицирует гибридизацию национальных политических культур и амбивалентность дискурсов политического позиционирования, что требует коррекции существующих теоретических моделей функционирования политических традиций, процесса их воссоздания с такими политико-культурными феноменами, как растущая политическая дифференциация идеологий «консерватизма»/«прогрессизма» и конфликтной динамики коллективных представлений о «прошлом», «настоящем» и «будущем».

Подобные процессы актуализируют исследование специфики политического позиционирования элит в связи с особенностями темпорального структурирования национальной памяти, так или иначе определяющих смысловой дизайн нарративов «традиционного» и «новационного», «консервативного» и «прогрессивного». Политическая борьба и стратегии элит всегда связана с политическими концепциями эволюции общества, нарративами прошлого, настоящего и будущего самих элит и общества. В этом теоретическом контексте представляется перспективным изучение специфики дискурсивных

форм, символических презентаций и самопрезентаций политических элит «во времени», влияния темпоральных структур социума и самих элит на практики политического доминирования. Время при этом понимается как специфическое политико-культурное «измерение смысла», способ символического оформления событий политической коммуникации, где темпоральные символические структуры выступают «архивацией» множественности таких событий во времени.

Вместе с тем, по мнению автора, процесс поиска взаимосвязи традиционного и новационного в активности политических элит односторонне редуцировать к процессу *традиционализации* как способу воспроизводства прошлого в настоящем и однозначного позиционирования новационному будущему. Комплексный анализ подобной коммуникативной динамики адекватней понимать в семантике понятия «традиционирования» как амбивалентного процесса поиска и обеспечения темпорального режима политической преемственности в процессе динамики бинарного кодирования политических коммуникаций как консервативных/прогрессивных. В процессе темпоральной совместимости ожиданий «будущего», «настоящего» и «прошлого» элит и граждан в горизонте семантики консервативного/прогрессивного происходит оформление специфических темпоральных нарративов упорядочивания политических коммуникаций. Если не происходит оформление когнитивных схем устойчивого темпорального порядка совместимости ожиданий, то обостряются конфликты как между элитными группами, так и внутри гражданских сообществ. Именно в такие периоды актуализируется рефлексия по поводу политических традиций, цивилизационной идентичности или дискурсы революционных преобразований.

Темпоральные нарративы, в которых символически репрезентируются «режимы времени» и «политика времени элит», нацелены на упорядочивание во времени вариативных групповых ожиданий посредством синхронизации представлений о коллективно значимых политических событиях. Исследование политико-культурной специфики конкурирующих темпоральных нарративов и контрнарративов консервативного/прогрессивного в национальной памяти любого общества в контексте анализа эволюции и специфики темпоральных режимов и профилей легитимации политической памяти могут слу-

жить теоретической основой для более комплексного прогнозирования эволюционного потенциала акторов того или иного политического сообщества.

Исследование темпоральных структур процесса политического позиционирования элит нацелено на решение теоретико-методологических вопросов, значимых, по мнению автора, для осмысления специфики процесса обеспечения «символического постоянства» в политической эволюции сообществ и роли элит в этом процессе в реалиях современных цифровых коммуникаций. Статья стремится ответить на следующие базовые исследовательские вопросы: на какие теоретико-методологические послылки ориентируются современные исследования процесса традиционирования и социальной динамики нарративов консервативного/прогрессивного в политическом позиционировании современных элит и какие в связи с этим обозначаются теоретические проблемы и перспективы их преодоления? Какова роль темпоральных режимов национальной памяти в оформлении специфики политического позиционирования элит и их активности при культивировании нарративов консервативного и прогрессивного? Как сказывается цифровизация политических коммуникаций на процессы темпоральной упорядоченности и позиционирования политических элит?

«Традиционализация» и «традиционирование» в практике политического позиционирования элит

Теоретико-методологические проблемы изучения места и роли политических традиций и практик их поддержания политическими элитами достаточно регулярно артикулируются в исследованиях политического позиционирования элит. Политическая *традиционализация* рассматривается современными исследователями как значимый политический феномен, связанный с процессом социального конструирования элитами политической идентичности социума на основе проекций в прошлое. Практически в любом исследовании социокультурной динамики политических элит так или иначе отмечается, что специфика позиционирования политических элит невозможна без действенности коммуникативных структур их самоидентификации и политики национальной идентичности посредством культивирования политических традиций. Вместе с тем очевидно, что процесс

культивирования традиций в современных коммуникациях не редуцируется к «остаткам» прошлой социальной действительности — это всегда некий потенциал и симбиоз смыслов «прошлого», «настоящего» и «будущего».

В публичной риторике и социологической литературе социальные традиции, политические в частности, при всех ремарках о взаимосвязи традиций и новаций часто описываются как относительно устойчивые во времени, укоренившиеся в повседневности «руководящие паттерны»; «онтологические ценности» и обычаи, которые передаются из прошлого в настоящее и свидетельствуют о «приверженности» («позитивной» или «негативной») «политическому прошлому» («прошлым» институтам власти и идеологическим стереотипам) [5]. Политические традиции рассматриваются как идеализированные и идеологизированные образцы организации политического порядка, возникающие в процессе обобщения политического опыта, на которые ориентируются элиты при выработке, принятии и реализации властных решений [19]. Важнейший «оператор» политических традиций наряду с иными, «неполитическими», — политические элиты, индивидуальные и групповые акторы, которые на постоянной основе участвуют не только в процессе подготовки или обсуждения, но и в принятии политических решений [8]. Подобный способ концептуализации феномена политической традиции, не умаляя его академической значимости, нуждается в уточнении и теоретико-методологической комплементарности.

Более адекватной современным коммуникативным процессам трактовкой «традиционного» выглядит понимание традиции как «переработки», переделки или перепрофилирования культурных форм прошлого в настоящем как на институциональном уровне, так и за рамками институциональной культуры. Поэтому возникающие традиции всегда есть некая вариативная «пропорция» «динамичного» и «консервативного» [26]. В трактовке процесса традиционализации в современном обществе представляется более обоснованной концептуализация феномена традиций, обозначенная в свое время Эриком Хобсбаумом. Ослабляя постмодернистские интерпретации его концепции «изобретения традиций», можно в целом согласиться с определением смысла и содержания «традиционного» в работах британ-

ского ученого [31]. Отталкиваясь от его интенций, традицию можно определить как набор практик, регулируемых прямо или косвенно формальными и неформальными правилами, имеющими ритуальный и символический характер, которые стремятся привить определенные ценности и нормы поведения путем повторения, установления преемственности в настоящем с реальным или изобретенным прошлым.

Подобная теоретическая и практическая проблемность процесса воспроизводства современных традиций, обнаруживающая связь с ожиданиями в настоящем, стимулирует не только критическое описание и сравнительное исследование функций политических традиций как дискурсивных структур исторической памяти сообществ, но и нацеливает на поиски ответа на вопрос — что и как превращало (превращает) многообразие политических представлений и знаний о прошлом в устойчивые политические традиции «в будущем». И наоборот, в силу каких политико-культурных факторов, происходит их эрозия и смена на качественно иные «руководящие паттерны». Следует также учитывать, что, когда речь идет о коллективно значимых представлениях в политической памяти о «прошлых» событиях и практиках, мы имеем дело не с самими событиями, а с некоторыми ожиданиями, налагающими или снимающими ограничения на политические действия в настоящем и будущем. То, что номинируют «реальной» традицией, всегда включает ожидания «настоящего» и «будущего». Тем самым определяющее значение для возникновения политических традиций и соответственно их описания играет динамика семантических структур политической памяти как комплекса коллективно значимых представлений о «прошлом», настоящем» и «будущем».

Несмотря на активные дебаты в публичном и академическом пространстве по поводу значимости корреляции «традиционного/новационного» («консервативного/прогрессивного») в политическом позиционировании элит их социально-политическая семантика достаточно часто редуцируется к частным измерениям (ценностно-нормативным, социально-психологическим, историческим) и сопровождается резкой идеологической конфронтацией. Подмена амбивалентной динамики содержания категорий традиционного/инновационного понятиями традиционализма и его антиподами ведет к омонимии («традиции-инерции, традиции-ностальгии», «революци-

онные традиции» и т.д.) и «делокализации», «детемпорализации» традиций (отрыв от фиксированных пространственных и временных рамок) [5, с. 46–54], исследовательскому редукционизму в трактовке «традиционных» и «новационных» «режимов развития» [20]. Проблемным остается и вопрос о том, как и каким образом «нарративы традиционного» и их символические репрезентации участвуют в процессе политической самоидентификации современных элит и сообществ и от чего зависит их конструктивный («новационный») или деструктивный символический потенциал.

В связи с подобными теоретико-методологическими апориями, на которые обращают внимание многие исследователи роли традиций в политике, мы полагаем, что при комплексном исследовании процессуальных аспектов социального конструирования традиций обоснованно говорить не только о *традиционализации*, но и о *процессе традиционирования*. *Традиционирование* выступает важным звеном динамики смысловых комплексов политической памяти сообществ, обеспечивающим культивирование и пролонгирование «паттернов постоянства», «устойчивости» во времени. *Традиционализация* же в этом контексте выступает как аспект этого процесса, связанный с консервативной составляющей процесса традиционирования. Традиционирование играет центральную роль в институционализации и поддержании образцов политической солидарности, выступая важным культурным ресурсом темпорального структурирования политической сферы.

Другими словами, устойчивая политическая идентичность всегда основывается на темпоральной структуре памяти, которая репрезентируется в нарративах «консервативного/прогрессивного» и такой их символической репрезентации, как нарративы традиционирования, основанные на семантике «повторения/ускорения». «Темпоральный порядок» политических коммуникаций всегда тесно связан с особенностями политического позиционирования элит во времени, со способами восприятия ими времени (прошлого, настоящего, будущего), предопределяющих дискурсивную и институциональную динамику сообществ, со спецификой практик солидарности между его членами. Вопрос о темпоральных режимах процесса традиционирования позволяет осуществлять сравнительный анализ потенциала «упорядочивания» у акторов политического пространства в зависимости от доминирую-

щих у них представлений о значимости тех или иных событий прошлого, в горизонте их представлений о настоящем и ожидаемом будущем.

Теоретико-методологические основания исследования темпоральных структур процесса традиционирования

Мы полагаем, что приоритетной методологической стратегией изучения политико-культурной специфики практик «упорядочивания во времени» при политическом позиционировании элит в реалиях цифровизации политических коммуникаций может стать комплементарность культурсоциологических и политико-антропологических моделей темпоральной динамики социокультурных феноменов. При подобном подходе современную политическую культуру можно интерпретировать как историческую форму политической памяти, а политику памяти и ее цифровые инволюции — как символическую политику. Под национальной памятью автор понимает долговременную форму политической памяти как взаимосвязанного комплекса символических структур, порождающих своего рода «политико-культурные константы» того или иного политического сообщества, легитимирующих деятельность элит и объединения индивидов в сложных политических сообществах посредством символизации, типизации политических событий не только в пространстве, но и во времени. Политическая память актуализируется во внутренней и внешней политике прежде всего посредством символической политики политических элит, вовлекающих в этот процесс и иные, неэлитные, группы¹.

¹ В статье мы акцентируем внимание на темпоральной динамике символических структур политической памяти в контексте их роли в процессе политического позиционирования элит и обеспечения упорядоченности политических коммуникаций. Более подробно об авторском видении специфики и возможностях культурсоциологической эпистемологии исследования социокультурной динамики политической памяти, ее символических пространственно-временных границ, кодов, профилей легитимации и роли дискурсивных структур для процесса политической идентификации и поколенческой преемственности современных элит см.: [Завершинский 2020; 2021].

Темпоральные измерения в исследованиях коммуникативной динамики политических акторов позволяют, на наш взгляд, расширить возможности анализа политико-культурной динамики элит. Весьма обоснованными при анализе подобной политической активности элит выглядят посылки тех исследователей, которые считают важным учитывать особенности теоретического моделирования процесса социальных коммуникаций в зависимости от «преимущественно» временной или пространственной опции сопряжения фактов политической действительности. Социология пространства, как правило, связана с пространственной «социологией тела», в то время как социология смысла есть, по существу, социология времени. «Прошрое», «настоящее» и будущее — это смысловые измерения коммуникации, поэтому те, кто исследует самостоятельную значимость культуры, смысловых образцов, ориентированы на время. Напротив, те, кто больше значения придает «телесности», материальным носителям смыслов, власти, ориентированы на пространство [21, с. 109]. Именно «темпоральные опции» позволяют уточнить ответы на принципиальные вопросы, «как» и «кем» задается политическое время, в каких временных горизонтах существуют те, кто «запускает действие, делает предложение или самопрезентацию и тем самым ставит других пред необходимостью реагировать» [11, с. 332].

Тем самым исследователи, занимающиеся изучением динамики культуры элит, должны учитывать не только специфику функционирования и позиционирования элит в конкретных политических пространствах, но и на особенности горизонтов времени, в рамках которых эти ориентации возникают. Те же, кто акцентирует внимание на предметном и пространственном аспекте динамики элит, в основном пребывают в опции реконструкции синхронии функционирования элит. Подобные исследования «пространственных измерений», на наш взгляд, составляют ядро исследований в области элитологии, нередко порождая своего рода теоретический эссенциализм «ценностных ориентаций» в трактовке природы политической элитарности, процессов деградации или позитивной сменяемости политических элит. При этом темпоральные измерения, позволяющие вскрыть смысловую специфику динамику преемственности и разрывов в деятельности элитных групп, нередко остаются на периферии или трактуются в кон-

тексте «универсальности» моделей демократических, авторитарных или тоталитарных режимов.

В рамках этой и близких по эпистемологическим интенциям методологических стратегий акцентируется, что символические структуры политической памяти и ее акторов, репрезентируемые в темпоральных нарративах, следует рассматривать как относительно «независимые» переменные», поскольку они обладают высокой степенью автономии по отношению к социальной реальности. Эта нарративная основа дискурсивного ядра коллективных представлений не однородна и дифференцируется на основе поляризации бинарных различий, составляющих каркас того или иного нарратива. Темпоральные политические нарративы, как полагает автор, возникают в процессе семантического снятия дихотомии базового для властных коммуникаций бинарного кодирования оппозиции консервативного/прогрессивного [9, с. 24–44], привнося упорядоченность в трактовку временного дизайна коллективно значимых событий национальной памяти. Бинарное кодирование обеспечивает символическую классификацию мира, упорядочивая символические рамки временного и пространственного дизайна коллективно значимых политических событий [22]. Отталкиваясь от идей Ф. Смитта, развивающего теорию бинарной семантики гражданской сферы [36, р. 14–24], можно констатировать, что в целом дискурсивное ядро современного темпорального режима политических коммуникаций не однородно и дифференцируется на основе поляризации бинарных различий консервативного/прогрессивного, составляющих каркас нарративов традиционирования. Подобные нарративы также можно классифицировать по степени интенсивности поляризации составляющих их бинарностей (пропорций динамичного и устойчивого) и жанрам со слабым потенциалом повседневной темпорализации этих ожиданий с более сильным — жанром трагизации/романтизации и апокалиптическим как наиболее действенный из всех нарративных жанров. Если массовые коллективные представления на уровне повседневности могут существовать в режиме *презентизма*, интерпретации прошлого и будущего в когнитивной значимости «постоянства» локального настоящего, то элитарный сегмент может руководствоваться «ностальгическими» ожиданиями прошлого, динамичного революционного или ультра-

консервативного будущего, предвещающими апокалиптические трансформации социума. При всей вариативности подобных междисциплинарных методологических стратегий их объединяет онтология интерпретации коммуникативной динамики социальной памяти как смыслопорождающего процесса, репрезентируемого в символических перформативных структурах. Самоидентификация политических элит в том или ином социуме всегда явно или опосредованно связана с символической легитимацией своей значимости в рамках коллективных представлений этого социума о своей эволюции во времени, поскольку «синтез времени и идентичности» всегда осуществляется посредством памяти [24, р. 109].

Важно учитывать, что специфика традиционирования в символических рамках той или иной политической памяти зависит также от темпоральной динамики «фигураций» мнемонических акторов политической памяти. Принципиальными в связи с этим видятся теоретические послышки Дж. Олика, позволяющие конкретизировать стратегию репрезентации символических структур политических нарративов и их специфику в том или ином обществе. Описание смены профилей легитимации современной социальной памяти, на его взгляд, предполагает исследование конфликтной динамики символических контуров национальной памяти, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возникновения и эволюции профилей легитимации [34, р. 36–76]. В контексте этой методологии можно говорить о темпоральной специфике образов времени, синхронизации/асинхронизации иерархий героического и жертвенного, смене стратегий культивирования традиций и новаций, темпов стратегий «гуманизации» или «расчеловечивания врагов». Таким образом, в рамках стратегии исследования политико-культурной динамики нарративов самоидентификации элит особое значение приобретает сравнительный анализ темпорализации профилей легитимации коллективной политической памяти и ожиданий политических элит. Артикуляция на этой основе особенностей сочетания консервативных/прогрессивных фигураций профилей легитимации позволяет конкре-

тизировать процесс темпорализации сообществ и выявить частные способы кодирования политических практик элит, возникающих на основе доминирующих кодов консервативного/прогрессивного. При таком взгляде на процесс традиционирования и его наррации важно учитывать специфику динамики темпоральных режимов политической памяти, которые определяют и переопределяют содержание символических фигур в профилях легитимации. Специфика преодоления конфликтной бинарности консервативного/прогрессивного в динамике политических элит и соответственно возникающих нарративов «постоянства» и «ускорения» зависит от того, какие у них доминируют темпоральные референции: из «настоящего», «прошлого» или «будущего». Весьма перспективным в комплексном исследовании места и роли темпоральных измерений динамики бинарного кодирования политического позиционирования элит является моделирование специфики темпоральных режимов социума.

**Темпоральные режимы политической памяти:
специфика политического позиционирования
в реалиях цифровизации политических коммуникаций**

Развивая теоретические посылки о взаимосвязи коллективных представлений о времени и политической идентичности в процессе оформления социокультурных общностей, современные исследователи все чаще используют концепт «режимы памяти». Однако, несмотря на акценты на исторической, временной специфике «режимов памяти» в политических исследованиях, этот концепт чаще используется для сравнительного функционального анализа «политик памяти» и практик коммеморации исторических событий. При этом «историчность» выступает своего рода производной от особенностей социального конструирования элитами публичного пространства и государственной идентичности. При анализе ценностно-нормативных параметров режимов памяти и ее нарративных структур, темпоральное измерение часто редуцируется к дихотомии борьбы ценностных ориентаций авторитарных и демократических акторов, практик институционализации политики памяти [12, с. 21; 15]. Основанным следует считать критику подобной практики использования концепта «режимы памяти», редуцирующей его темпоральную

динамику к политической хронологии, не учитывающей комплексный характер «политики памяти», включающей отношения контингентности, анахронизма и мультитемпоральности [14].

При акцентах на «социологию пространства памяти», несмотря на присутствие ссылок на работы А. Ассман, часто на периферии исследовательского интереса остаются базовые интенции немецкой исследовательницы по поводу темпоральной специфики концепта «режимы памяти». Вводя в свое время понятие «временной режим культуры» для исследования социокультурной динамики социальной памяти, Ассман ориентировала на выявление темпоральной организации и ориентации» социума — специфики когнитивных схем коллективных взаимодействий и практик идентификации в связи с представлениями о времени [1]. Специфику возникшей в Новое время социальной памяти она усматривает в символических репрезентациях «прошлого» и «будущего» в «референциальных рамках современности». Поэтому режим Нового времени Ассман характеризует как «время разрыва», «фиктивное новое начало», «творческое разрушение», возникновение понятия «исторического ускорения». Это предопределяет пределы и особенности семантического варьирования темпоральных ожиданий и содержание политической активности акторов. На современном этапе, этапе «постмодерна» или «метамодерна», как номинируют его некоторые исследователи, «общества делает современным» то, что оно живет в весьма конфликтном режиме «динамической стабилизации», которая перманентно требует роста, ускорения и инноваций для воспроизводства своей структуры, и поддержания своего институционального статуса [30, р. 520]. Подобная актуализация конфликта «консервативного/прогрессивного» многие исследователи связывают с неизбежными в рамках такой динамики «травматическими запросами» того или иного сообщества на эмоциональное, институциональное «символическое возмещение» в виде качественно новой интерпретации событий прошлого, которые меняют ролевую структуру и систему преемственности и должностования коллективных участников политического процесса в соответствии с этим новым видением [23].

Моделирование темпорализации современной коллективной памяти политических сообществ позволяет обеспечить социологическую

конкретизацию предложенной А. Ассман стратегии исследования темпоральных режимов современности. Удачным, на наш взгляд, развитием этой стратегии следует считать исследование Кэтрин Бахляйтнер динамики влияния темпоральных структур коллективной памяти на позиционирование политических элит во внешнеполитическом пространстве [25]. Современный социум, как полагает исследовательница, чтобы существовать и обрести социально-политическую стабильность, должен быть способен пролонгировать себя во времени. Он должен обрести перформативную публичную память и государственную идентичность, выводящие ожидания политических акторов за рамки доступных политических реалий, возникших на основе интерпретаций прошлой политической реальности. Особый интерес для ответа на наш вопрос «Кто и как запускает время?» представляет выделение исследователем процессуальных фаз становления устойчивой идентичности, влияющей на практики политической легитимации элитами своей политики как внутри страны, так и на международной арене. Кэтрин Бахляйтнер не использует понятие «темпоральный режим», но предлагаемый ею концепт «темпоральной безопасности» (temporal security) на основе концепции «онтологической безопасности» сообществ, как и понятие «временного режима», акцентирует внимание на взаимосвязи коллективной памяти («бытия-во-времени») и процессов идентификации на основе оформления национальных нарративов о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Политико-культурными триггерами подобного процесса, сопровождающегося публичной рефлексией и острыми дебатами по поводу «онтологической безопасности», «экзистенциальных рисков», возникающих в результате осмысления травматических событий реальных или вымышленных, являются коллективное чувство тревоги и «публичного стыда». Действия политических элит, следуя интенции Кэтрин Бахляйтнер, осуществляются вдоль «оси» темпорализации представлений о критических для возникновения и существования той или иной нации политических событий прошлого, в контексте динамики представлений о прошлом и будущем из настоящего. Представления о «темпоральной безопасности» как действенном идеальном измерении специфики политического позиционирования национальных сообществ происходят в процессе конструирования элитами политической

стратегии, публичной идентичности, государственной политики и национальных ценностей. Подобная аналитической модель темпорализации коллективной памяти как процесса обретения «темпоральной безопасности», «временной непрерывности» (temporal continuity) позволяет объединить пространственные социально психологические и социологические интерпретации активности политических элит на внешнеполитической арене с особенностями темпоральных структур национальной идентичности и «политики времени» государств во внешней политике.

Отталкиваясь от базовых посылок этой аналитической модели, ослабляя ее социально-психологические контексты, отсылающие к модели культурной травмы, можно интерпретировать процесс активности элит по оформлению темпорального режима в том или ином социуме следующим образом. Первоначально этот процесс возникает при разработке элитами антикризисной политической стратегии. Он запускает процесс реконструирования публичных, разделяемых многими представлений об эволюции политико-культурной идентичности страны. Это, в свою очередь, стимулирует процесс конструирования государственной идентичности и социального консенсуса по поводу национальных ценностей. Таким образом, темпоральный режим современных обществ возникает или меняется в процессе стратегического политического позиционирования элит по отношению к другим политическим сообществам, обретая и создавая «символические константы» публичной идентичности страны как предпосылки внутриполитических контуров «темпоральной безопасности», что, в свою очередь, придает уверенность в последовательности принимаемых политических решений и долговременности государственных институтов. Завершается же этот процесс артикуляцией и сакрализацией национальных ценностей, возникновением публичной политической аксиологии — идеологически и морально обоснованными нарративами о «правильности» и «справедливости» реализуемого элитами политического курса. Из этого вытекает, что обеспечение устойчивой преемственности в деятельности элит не может быть редуцировано к их способности культивировать и оберегать традиции прошлого. Появление и содержание политических традиций существенно зависит от фазы темпорального режима, в котором «бытийствует» социум,

специфики приоритетных политических стратегий элит в «политики времени» при социальном конструировании публичной и государственной идентичности, состояния коллективных ожиданий и интерпретативных способностей элит конструктивно переосмыслить опыт прошлого.

Пожалуй, наиболее обстоятельной недавней попыткой обобщить вариативные теоретические подходы в исследованиях темпоральных режимов социума является монография Филиппа Торреса «Временные режимы: материальность, политика, технология». Она представляет интерес для нашего исследования и тем, что в ней обозначена взаимосвязь специфики темпорального режима и «политики времени», которую проводят политические акторы. В основе концептуальных представлений Филиппа Торреса лежит посылка, что время — осмысление опыта изменений, а оформление темпорального режима связано с повторяемостью и стабильностью в продуцировании представлений о времени. Темпоральные режимы — результат специфики социокультурной конфигурации, возникающей в обществе, на его основе происходит тематизация представлений о времени. Временной режим возникает на основе тенденций к гомогенизации социальных ожиданий, создавая стабильные условия для устойчивого сочетания представлений о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Тем самым темпоральный режим обеспечивает условия для доминирования тех или иных представлений о направленности изменений — их линейности или цикличности, презентизма или футуризма, ускорений или замедлений. Темпоральный режим создает определенные «привычки» или структуры в жизни, чтобы получить конкретный результат. Следуя интенциям Филиппа Торреса, чтобы описать специфику «привычек», традиций, существующих темпоральных режимов, необходим комплексный анализ темпоральных представлений на основе таких параметров, как *повторяемость, артикуляция и управляемость* (iterability, articulability, governmentality) [37, p. 1–38]. «Повторяемость» — устойчивость представлений о временных перспективах, способов формирования, символизации «удержания прошлого» в настоящем; «артикулированность» — наличие отчетливых представлений о закономерностях темпоральной динамики и направленности временных потоков; «управляемость» — наличие набора перформативных

норм, которые регулируют, «программируют» на коллективном уровне действия по изменению социального порядка.

Достаточно очевидно, что базовые установки этой концепции, не углубляясь в критическую рефлексию по поводу частностей, весьма комплементарны обозначенным выше методологическим стратегиям изучения темпоральных измерений процесса политического традиционирования. Временные режимы могут способствовать созданию устойчивых политических общностей или, наоборот, блокировать подобные возможности, координируя события не только личной, но и коллективной жизнедеятельности. Политическое время, в котором «живет» сообщество, является сложным комплексом синхроний и темпоральной разнородности, сосуществующей в рамках одного временного режима, предопределяющим уровень его конфликтности и специфику традиционирования. Различия «консервативного/прогрессивного» проявляются не только в идеологии ценностных ориентаций или отрицании/признании «новаций» и «традиций», а в понимании динамики *процесса ускорения и повторения*. Прогресс не отменяет традиций, а относится к ним как потенциалу для использования в будущем, а консервативные нарративы не отменяют прогресса, ориентируя на поиски нормативных и институциональных констант в происходящих изменениях. Особую конфликтную динамику современные темпоральные режимы обретают в условиях технологий цифровизации социальной памяти с их специфическими способами маркирования пространства и видения временных перспектив политической активности.

Политико-культурная динамика современных темпоральных режимов и кризис практик традиционирования цифровой эпохи

Описания влияния политико-культурных практик цифровизации на социальное конструирование политического пространства и времени в научной литературе носит весьма вариативный характер. Многие исследователи подчеркивают, что в реалиях эрозии национальных метанарративов и стимулируемого цифровизацией либеральных стратегий глобального «культивирования различий» происходит интенсивное ускорение роста автономии и дифференциации символического кодирования коммуникативных сред. Это ведет

к снижению влияния ранее существовавших «символически генерализованных медиа» [10, с. 46–48] и оформлению «индифферентной культуры» [4]. Подобные процессы разрушают сопряженность коммуникативных систем политики с неполитическими и ведут к эрозии темпоральных структур политической памяти, росту произвольности, непредсказуемости принимаемых политическими элитами политических решений.

В современных междисциплинарных исследованиях «цифровой памяти» (digital memory studies) последнего десятилетия весьма обстоятельно анализируется влияние цифровизации на социальные коммуникации, оформление «транснациональной памяти», специфика сетевых взаимодействий и работы массмедиа на цифровых платформах, цифровизация коммеморативных институтов. Исследования политико-культурных изменений политической памяти в реалиях современной цифровизации коммуникаций, несмотря на вариативность тематики, отчетливо амбивалентны в своих оценках влияния цифровизации на политическое позиционирование политических акторов. Спектр оценок варьируется от позитивных артикуляций по поводу позитивности влияния цифровых технологий на характер элитной динамики до скепсиса и апокалиптических прогнозов на этот счет. В целом фиксируется, что цифровая революция содействует формированию новых элитных сегментов. Отмечается формирование цифровой культура как специфической идеологической, ценностно-нормативной, мировоззренческой структуры и развитие «цифровой политической реальности», проявляющееся в глобальных проектах по развитию коммуникативных «метавселенных», создающих внесударственные и внеправовые «онтологические» цифровые форматы социально-технологической активности с разнообразными технологиями корпоративного кодирования политико-административной деятельности. Описываются авторитарные и тоталитарные риски растущей автономии «цифровых элит», разрушающих традиционные механизмы политического позиционирования и репрезентации [13], деинституционализация элит в условиях расширения сетевой автономии правящих группировок, подменяющих предметно-смысловую реальность конструированием имитационной символической социальной реальности «видимости» политического представительства [16].

В подобного рода исследованиях сохраняется и оптимизм по поводу расширения публичных пространств и уровня вовлеченности участников политического процесса благодаря сетевым интернет-взаимодействиям и электронному администрированию. Электронное администрирование, как полагают исследователи, является позитивным примером отказа от традиционных политических посредников и стимулирует перенос внимания элит на совершенствование повседневных, конкретных практик политической коммуникация. Это своего рода «дезинтермедиация» (disintermediation) политических интракций, устранение посредников в политических коммуникациях. Исследователи подчеркивают, что веб-технологии сокращают затраты на производство контента, а их горизонтальный характер дают гражданам возможность для его распространения в массовом масштабе. Эта «демократическая» трансформация моделей политического общения позволяет эффективно распространять и выражать мнения, эмоции и идеи без посредничества административно-политических элит. Исследователи, отстаивающие эти посылки, считают, что «цифровая общественность» более плюралистична и дает дополнительные возможности общественного обсуждения [35, p. 141].

Вместе с тем следует отметить, что доминирует критический анализ политико-культурных последствий влияния интернета на процессы демократизации и пространство публичного диалога элит с гражданами. Скорее можно наблюдать дальнейшую «фрагментацию и поляризацию» публичного пространства, снижение символической эффективности установок на социальное равенство и справедливость, исчезновение «общности» смысла, снижение уровня политической культуры и многочисленные «информационные пузыри». В коммуникативном цифровом капитализме надзорный капитал и надзорное государство приобретают дополнительные возможности для консолидации. «Большие данные» означают усиление власти «Большого Брата» и крупного капиталистического бизнеса [29, p. 58]. «Надзорный капитализм» стимулирует создание сетей, генерирующих устойчивый иерархический характер распределения возможностей. В процессе коммуникаций выигрывают те, кто наиболее успешно монетизировал свое иерархическое положение в таком пространстве [27, p. 178]. «Коммуникативный капитализм», которому цифровизация придала

дополнительный импульс, обесмысливает понятие демократии, политической солидарности, культивирует манипулятивные дискурсы героизации/виктимизации.

Возникающие под влиянием цифровой активности современных политических элит семантические структуры политической памяти часто приобретают более высокую степень манипулятивной перформативности по отношению к акторам, институтам и организациям, которые их породили и надеялись контролировать. В частности, радикализация на первый взгляд «прогрессистских», «демократических» неолиберальных политических нарративов может привести к тотальному символическому декодированию и делегитимации политического порядка. Культур-антропологически ориентированные авторы ответственность за подобные процессы возлагают на утверждение идентичности «западничества» (occidentalism), основанной на темпоральном режиме непрерывного изменения, когда субъект инвестирует себя во все новые идентификации, понимаемые с точки зрения индивидуалистического саморазвития. Неспособность реализовать такое саморазвитие приводит к кризису идентификации, который стимулирует возврат к консервативным формам традиционализма и интеллектуальному цинизму постмодернизма, «клиническому» аффективному «нарциссизму» [28].

Исследователи, характеризующие специфику режима времени «позднего модерна», нередко фиксируют ускорение умножения вариативности представлений о прошлом и обеднение образов настоящего и будущего. В цифровую эпоху, отмечает А. Ассман, сопровождающейся интенсивным развитием техники гипервизуализации, возникают все новые образы прошлого. Подобная тенденция носит весьма амбивалентный характер, поскольку мы не знаем, будет ли это стимулировать, усилить коллективную враждебность и «националистический нарциссизм» или же сделает процесс переосмысления национального прошлого более всеобъемлющим [2]. Это связано с тем, что цифровые коммуникационные технологии связаны с идеологией «непрерывного прогресса», порождающего все новые формы контроля за коммуникациями, и значимости консьюмеристских ожиданий все новых гаджетов на практике ведет к упадку общественно-политического воображения, «отменяя будущее». Вместо прогнозирования

будущего люди получают потребительские гаджеты и аудиовизуальные эрзацы памяти.

Такая идеология прогресса маскирует отсутствие перспективы позитивного будущего и содействует реактуализации радикальных консервативных дискурсов. Культура прошлого встраивается в социокультурную реальность настоящего «без будущего», воспроизводит, «повторяет» консьюмеристские ожидания настоящего, блокирующие и гасящие потребность участвовать в процессе соединения «прошлого» с идеей будущего. Это отличает нынешний режим памяти от того, который существовал в XIX и особенно в XX в., когда возникали позитивные утопии будущего. Люди испытывают не только давление из-за потери будущего, но и через множество индивидуализированных и аффективных интерпретаций прошлого теряют совместное прошлое [33, р. 40]. Вместо проработки прошлого происходит его «разграбление» и продуцирование легко исчезающих «призраков прошлого».

Неолиберальные деконструкции режимов времени, их цифровые аудиовизуализации горизонтов политической памяти ведут и к эрозии его смысловых структур. Многообразие различий в понимании прошлого приводит к тому, современные элиты утрачивают смысловой каркас принятия политических решений, так как исчезает стабильность значимости восприятия настоящего и будущего, а значит и степень адекватности адаптации к политической действительности и ответственности перед будущим. Это порождает диктат «кратковременной памяти» и своего рода политическую «инфальтильность», проявляющиеся в бегстве как от позитивных, так и от негативных проективных ожиданий. В рамках такой нестабильности временного режима политической памяти символические фигуры героического и жертвенного, подвергаясь экспансии редуцированных популистских нарративов элит, ведут к политической инверсии символических конфигураций в профилях национальной идентичности, размывают символические границы между героической жертвенностью, противостоящей хаосу насилия, и виктимизацией, ведущей к героизации преступного насилия. Процессы, происходящие в политической памяти современного общества под воздействием цифровых коммуникаций, существенно повышают риски принятия политическими элитами

безответственных решений. В результате политическая элита и иные политические акторы утрачивают способность к эффективному контролю над процессом традиционирования, подменяя его радикальной консервативной традиционализацией или безудержным прогрессизмом. Остается надеяться, что травматический опыт выхода из нынешнего темпорального кризиса, переход к более сбалансированным режимам традиционирования политического позиционирования будет осуществляться в соответствии не с апокалиптическими, а с позитивно-утопическими ожиданиями.

Заключение

Современные политические коммуникации умножают вариативность «временных потоков» («гетерогенность» социального времени), связанной с ростом численности и активности мнемонических акторов и институтов, что актуализирует поиск новых способов тематизации конфликта «консервативного/прогрессивного» в политико-культурной динамике современных элит. Политические элиты в различных национальных сообществах руководствуются вариативными критериями восприятия темпов политических изменений, поколенческой преемственности и «разрывов», «повторяемости» и «ускоренности» в освоении политического опыта, обусловленной разнообразием коллективных представлений о взаимосвязи «прошлого», «настоящего» и «будущего».

Представления о преемственности «прошлого», «настоящего» и «будущего» интенсивно фрагментируются и разрушаются потоком умножающихся «различий» в процессе современной «политики времени», реализуемой неолиберальными элитами посредством технологий цифровизации. Рост вариативности представлений о прошлом, чувство «непредсказуемости настоящего» и «неопределенности будущего» интенсифицируют в элитном сегменте многих социумов процессы культивирования нарративов «традиционных ценностей». Нарратив сохранения, обретения и поиска «традиционных ценностей» (темпорального «повторения») все чаще используется элитами как способ стабилизации/дестабилизации политического порядка и в качестве символического триггера политической мобилизации. При этом взаимосвязь «традиционного прошлого» и «новационного будущего»

в активности политических элит нередко редуцируется к семантике традиционализации как способа воспроизводства прошлого в настоящем и позиционирования по отношению инновационному будущему.

Автор полагает, что в реалиях современных коммуникаций более обоснованно понимание феномена политической традиции и преемственности как результата переработки темпоральных политико-культурных форм прошлого в проекции не только настоящего, но и будущего как на институциональном, так и на повседневном уровне. В связи с этим особую значимость приобретает концепт «темпоральный режим политической памяти». Временной режим коллективных представлений возникает на основе тенденций к гомогенизации темпоральных ожиданий, создавая стабильные условия для устойчивого сочетания представлений о взаимосвязи событий прошлого, настоящего и будущего. Тем самым темпоральный режим обеспечивает условия для оформления преференциальности представлений о направленности социальных изменений, в том числе практик воспроизводства преемственности и традиций. Политическое время является сложным комплексом синхроний и темпоральной разнородности, которые могут сосуществовать в рамках одного временного режима, предопределяя уровень его конфликтности и специфику «удержания» прошлого опыта в настоящем и его пролонгирования в будущее.

Устойчивость политической идентичности всегда основывается на темпоральной структуре политической памяти, которая репрезентируется в нарративах «консервативного/прогрессивного» и такой их символической репрезентации, как нарративы традиционирования, основанные на семантике «повторения/ускорения». Традиционирование выступает важным звеном динамики смысловых комплексов политической памяти сообществ, обеспечивающим культивирование и пролонгирование «паттернов повторяемости», «постоянства» и «устойчивости» во времени. Традиционализация же в этом контексте выступает как аспект этого процесса, связанный с консервативной составляющей процесса традиционирования. Традиционирование играет центральную роль в институционализации и поддержании образцов политической солидарности, выступая важным культурным ресурсом темпорального структурирования политической сферы и противостояния политической инверсии и произвольности в активности элит.

Специфика преодоления бинарности консервативного/прогрессивного и возникающих при этом способов воспроизводства процессов «повторяемости»/«ускорения» зависит от того, какие доминируют темпоральные референции: из «настоящего», «прошлого» или «будущего». Исследование специфики традирования в различных темпоральных режимах позволяет осуществлять сравнительный анализ потенциала «упорядочивания» акторов политического пространства в зависимости от доминирующих у них представлений о значимости и связи тех или иных событий прошлого, настоящего и ожидаемого будущего.

Цифровая революция, авангардом которой выступают неолиберальные «наследники Модерна», интенсифицирует гибридизацию национальных политических культур и конфликтную амбивалентность дискурсов политического позиционирования и функционирования национальных политических традиций. Автор разделяет послышки тех исследователей, которые полагают, что «культура прошлого» в современных цифровых коммуникациях сообществ встроена в кризисную когнитивную конструкцию «вне прошлого и будущего» («постмодерна», «метамодерна» и т.п.), когда «повторное» утверждение позитивного настоящего воспринимается все более индифферентно и консюмеристски. Это ведет к размыванию смысловых горизонтов восприятия прошлого, настоящего и будущего, а значит снижает степень адаптации представителей политических элит к политической действительности и ответственности перед будущим. Это порождает диктат «кратковременной памяти», смерть позитивных утопий будущего и своего рода «политическую инфантильность», проявляющиеся в бегстве как от позитивных, так и от негативных проективных ожиданий. В рамках такой нестабильности временного режима политической памяти символические фигуры героического и жертвенного, подвергаясь экспансии радикальных и примитивных идеологических популистских нарративов, ведут к идеологической инверсии сакральных фигур в профилях гражданской идентичности, размывают символические границы между героической жертвенностью, противостоящей хаосу насилия, и виктимизацией, ведущей к героизации преступного насилия. Процессы, происходящие в национальной памяти современных сообществ под воздействием кризиса темпорального режима

«нового времени», артикулируемого неолиберальными элитами, существенно повышают риски политической асинхронизации. В результате политические элиты и иные политические акторы все чаще утрачивают способность к эффективному контролю над процессом традиционирования, подменяя его радикальной консервативной традиционализацией или прогрессизмом.

Применительно к исследованию политического позиционирования элит при разработке элитами современной антикризисной политической стратегии и политики идентичности важно учитывать темпоральную специфику динамики нарративов «консервативного/прогрессивного» в конкретных обществах. Следует учитывать, что она проявляется не только в идеологической конфронтации ценностных ориентаций или в отрицании/признании «новаций» и «традиций», а зависит от качественной специфики темпорального режима социума, восприятия участниками коммуникаций значимости «повторения» или «ускорения». В случае оформления устойчивого, сбалансированного темпорального режима политический прогресс не отменяет традиций, а относится к ним как к потенциалу для использования в будущем, а консервативные нарративы не блокируют прогресс, ориентируя на поиски нормативных и институциональных констант в происходящих изменениях.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Завершинский Константин Федорович — доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии. Санкт-Петербургский государственный университет.

Телефон: +7 (812) 363–64–59. **Электронная почта:** k.zavershinsky@spbu.ru.

Research Article

KONSTANTIN F. ZAVERSHINSKIY¹

¹St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia

TRADITIONALIZING IN POLITICAL POSITIONING CONTEMPORARY ELITES: TEMPORAL DIMENSIONS

Abstract. The article examines the role of traditionalizing as an ambivalent process of narrative ordering of collective ideas over time in the political positioning of

contemporary political elites. The digitalization of political communications increases the variability of “ideas of time”. It requires new ways of thematizing the conflict between the traditional and the innovative in the political and cultural dynamics of contemporary elites. Political elites in different national communities are guided by varying criteria of “repetition” and “continuity” associated with the perception of the pace of political change and expectations of the “present” and “future”. In this regard, the study of the relationship between the “temporal regimes” of political memory and the processes of tradition, the ambivalent process of searching for and ensuring a regime of political continuity, with the binary coding of political communications as “conservative/progressive”, acquires particular significance. Temporal regimes of political communications form according to the homogenization of temporal ideas in communities, creating more stable conditions for a sustainable combination of ideas about the relationship between the past, present, and future. Traditionalizing plays an important role in institutionalizing and maintaining political solidarity, serving as an important cultural resource for the temporal structuring of the political sphere and the opposition to political inversion and arbitrariness in the activity of elites. The processes occurring in the national memory of contemporary communities influenced by the crisis of the temporal regime of the “new time” and articulated by contemporary neoliberal elites, significantly increase the risks of political asynchronization. As a result, political elites and other political actors are increasingly losing the ability to effectively control traditionalizing, replacing it with radical conservative traditionalization or progressivism. Drawing on cultural sociology and anthropology of politics as a methodological basis, I propose new theoretical approaches to the role of temporal dimensions in studying the reproduction of political traditions and the positioning of contemporary elites in the face of neoliberal digitalization strategies.

Keywords: temporal dimensions, temporal regimes, political memory, digitalization, political positioning, political elites, political traditions, traditionalizing, traditionalizing, temporal crisis.

For citation: Zavershinskiy, K.F. Traditionalizing in Political Positioning Contemporary Elites: Temporal Dimensions. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 7–39. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.1>.

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation (grant no. 24-28-01309), <https://rscf.ru/project/24-28-01309>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin F. Zavershinskiy — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science. Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 363–64–59. **E-mail:** k.zavershinsky@spbu.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. Трансформации нового режима времени / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 272 с.
Assmann A. Has the Connection of Times Disintegrated? The Rise and Fall of the Temporal Regime of Modernity. Transformations of the New Regime of Time. [Russ. ed.: *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna. Transformacii novogo rezhima vremeni.* Transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2017. 272p.] (In Russ.)
2. Ассман А. Европейская мечта: четыре урока истории. Переизобретение нации / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 512 с.
Assman A. The European Dream: Four Lessons of History. Reinventing the Nation. [Russ. ed.: *Evropejskaya mechta: chetyre uroka istorii. Pereizobretenie nacii.* Transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2022. 512 p.] (In Russ.)
3. Дука А.В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023. Т. 10. №. 2. С. 24–43. EDN: AIVBFP
Duka A.V. Elites in the structure of political opportunities. *Vlast' i elity.* 2023. Vol. 10. No 2. P. 24–43. (In Russ.)
4. Бодрийяр Ж. Насилие глобализации / пер. с франц. Ю. Бессоновой // Логос. 2003. № 1(36). С. 20–23.
Baudrillard J. The Violence of Globalization. Transl. from French by Julia Bessonova. *Logos.* 2003. No 1(36). P. 20–23. (In Russ.)
5. Гофман А. Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. Москва: Новый Хронограф, 2015. — 496 с.
Gofman A. B. *Tradiciya, solidarnost' i sociologicheskaya teoriya. Izbrannye teksty.* [Tradition, Solidarity and Sociological Theory. Selected Texts.] Moscow: Novyj Hronograf publ., 2015. 496 p. (In Russ.)
6. Завершинский К.Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 2. С. 77–96.
Zavershinskiy K.F. “Patriotism of the Elites” as a Discursive Dimension of the Symbolic Structures of National Memory. *Vlast' i elity.* 2020. Vol. 7. No 2. P. 77–96. (In Russ.)

7. Завершинский К.Ф. «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 123–147.
Zavershinsky K.F. “Generations of elites” vs. “elite of generations”: communicative dimensions of the socialization of political elites. *Vlast' i elity*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 123–147. (In Russ.)
8. Каспэ С. В этом шкафу много скелетов: политическое использование традиции в современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. С. 9–37.
Kaspe S. There are many skeletons in this closet: the political use of tradition in contemporary Russia. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 9–37. (In Russ.)
9. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. — 256 с.
Luhmann N. Power. [Russ. ed.: *Vlast'*. Transl. from German by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Praksis publ., 2001. 256 p.] (In Russ.)
10. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. — 317 с.
Luhmann N. Differentiation. [Russ. ed.: *Differenciaciya*. Transl. from German by B. Skuratov. Moscow: Logos publ., 2006. 317 p.] (In Russ.)
11. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. — 360 с.
Luhmann N. Introduction to systems theory. [Russ. ed.: *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu*. Transl. from German by K. Timofeeva. Moscow: Logos publ., 2007. 360 p.] (In Russ.)
12. Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С.26–39.
Malinova O.Yu. Memory mode as a tool of analysis: problems of conceptualization. *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy*. [Memory politics in contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives] Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 26–39. (In Russ.)
13. Мамычев А. Ю., Кочетков А. П., Понеделков А. В. Трансформация властных отношений и формирование цифровой элиты в политическом процессе современного общества // Власть и элита в эпоху цифровой

трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы IV Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 25 марта 2022 г. / ред.-изд. гр. В.В. Рудой (рук) и др. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 15–22.

Mamychev A. Yu., Kochetkov A. P., Ponedelkov A. V. Transformation of power relations and formation of digital elite in the political process of modern society. *Vlast' i elita v epohu cifrovoj transformacii: novye vyzovy i ugrozy, traektorii social'no-politicheskogo razvitiya sovremennogo obshchestva* [Scientific Research: IV All-Russian Elitology Congress with International Participation. 25 March, 2022 g.] Ed. by. V.V. Rudoy (head) and others. Rostov-on-Don: Publishing house of the Southern Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022. P. 15–22. (In Russ.)

14. Николаи Ф.В., Вилкова Ю.В. Понятие «режимы памяти» в российских и англоязычных memory studies // История и историческая память. 2020. Вып. 21, С. 9–18.

Nikolai F.V., Vilkova Yu.V. The concept of “memory modes” in Russian and English-language memory studies. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. 2120. Vol. 21. С. 9–18. (In Russ.)

15. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. — 632 с.

Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy [Memory politics in contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives / Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko.] St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p. (In Russ.)

16. Соловьев А.И. Деинституализация правящей политической элиты: механизмы и практики // Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 25 марта 2022 г. / ред.-изд. гр.: В.В. Рудой (рук.) и др. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 22–30.

Soloviev A.I. Deinstitutionalization of the ruling political elite: mechanisms and practices. *Vlast' i elita v epohu cifrovoj transformacii: novye vyzovy i ugrozy, traektorii social'no-politicheskogo razvitiya sovremennogo obshchestva* [Scientific Research: IV All-Russian Elitology Congress with International Participation. 25 March, 2022 g.] Ed. by. V.V. Rudoy (head) and others. Rostov-on-Don:

- Publishing house of the Southern Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022. P. 22–30. (In Russ.)
17. Соловьев А.И. Деинституализация правящей политической элиты: в поисках теоретической модели // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 1. С. 37–55.
Soloviev A.I. Deinstitutionalization of the ruling political elite: in search of a theoretical model. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No 1. P. 37–55. (In Russ.)
 18. Сыров В. Н., Агафонова Е. Н. Концепция множественности времен как эпистемологический вектор в отношении трактовок прошлого и настоящего. Социология власти, 2022. Т. 34. № 1. С. 95–123.
Surov V. N., Agafonova E. N. The concept of multiple times as an epistemological vector in relation to interpretations of the past and the present. *Sociologiya vlasti*, 2022. Vol. 34. No. 1. P. 95–123. (In Russ.)
 19. Судаков С.С. Понятие традиции в современном американском либерализме. Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 2005. — 179 с.
Sudakov S.S. *Ponyatie tradicii v sovremennom amerikanskom liberalizme* [The concept of tradition in modern American liberalism.] Kaliningrad: Publishing house of the Kaliningrad State University, 2005. 179 p. (In Russ.)
 20. Семенов И.С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 45–65. EDN: GZGVJK
Semenenko I.S. Tradition and innovation as concepts of political science and guidelines for development policy: dialectic of compatibility. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2023. No. 5. P. 45–65. (In Russ.)
 21. Филиппов А.Ф. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 75–114.
Filippov A.F. On the concept of theoretical sociology. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2008. Vol. 7. No. 3. P. 75–114. (In Russ.)
 22. Alexander J. C. *The Civil Sphere*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. — 816 p. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2007.00359_3.x
 23. Alexander J.C. *Trauma: A Social Theory*. Malden: Polity Press. 2012. 232 p.
 24. Assmann J. Communicative and Cultural Memory. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / eds A. Erll and A. Nunning, in collaboration with S. B. Young*. Berlin; New York: Gmb & Co. KG, 2010. P. 109–118.
 25. Bachleitner K. *Collective Memory in International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 163p.
 26. Buccitelli A. B. Introduction. *Race, Ethnicity, Tradition, and Digital Technology, Race and ethnicity in digital culture: our changing traditions, impressions, and*

- expressions in a mediated world* / Anthony Bak Buccitelli editor. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, LLC, 2018. P. 1–13.
27. Dean J. Critique or Collectivity? Communicative Capitalism and the Subject of Politics. *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data* /Chandler, D. and Fuchs, C. (eds.). London: University of Westminster Press, 2019. P. 171–182.
 28. Friedman J. *PC Worlds: Political Correctness and Rising Elites at the End of Hegemony*. New York: Berghahn Books, 2019. 348 p.
 29. Fuchs C. Karl Marx in the Age of Big Data Capitalism // *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data* /Chandler, D. and Fuchs, C. (eds.). London: University of Westminster Press, 2019. P. 53–71.
 30. Rosa H., Torres F. Acceleration theory, temporal regimes, and politics today. An interview with Hartmut Rosa. *Res publica*. 2021. Vol. 24(3). P. 519–523.
 31. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Tradition // *The Invention of Tradition*. Edited by Hobsbawm Eric, Ranger Terence. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. P. 1–14.
 32. Hoskins A. *The restless past: an introduction to digital memory and media* // *Digital memory studies: media pasts in transition* / edited by Andrew Hoskins. New York: Routledge, 2017. P. 1–24.
 33. Pogačar M. Culture of the Past Digital connectivity and dispotentiated futures // *Digital memory studies: media pasts in transition* / edited by Andrew Hoskins. New York: Routledge, 2018. P. 27–47.
 34. Olick J. K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, L.: The University of Chicago Press. 2016. x+517 p.
 35. Robles-Morales J. M., Córdoba-Hernández A. M. *Digital Political Participation, Social Networks and Big Data: Disintermediation in the Era of Web 2.0*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 152 p.
 36. Smith P. *Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005. x+254.
 37. Torres F. *Temporal regimes: materiality, politics, technology*. New York: Routledge, 2022. 186 p. <https://doi.org/10.4324/9781003180876>